

На лбу Лин Чужаня выступили мелкие капли пота, они сливались в струйки и непрерывно стекали, намочив одежду у воротника, но он, казалось, ничего не замечал, всё его существо было приковано к безопасности двух девушек на кровати. Он стоял на коленях перед медицинским ящиком, лихорадочно и беспорядочно роаясь в нем руками, склянки и баночки в ящике гремели, падая друг на друга. Наконец, он крепко сжал в пальцах рецепт, полный надежды; бумага слегка намочила от пота. Он быстрым шагом направился к Жун Цзюэ, каждый шаг разносил ветер, и, передавая рецепт, он говорил так быстро, будто заведенный: «Жун Цзюэ, лови! Эта тонкая бумажка — единственная надежда, что сейчас может вырвать двух Ваших Величеств из лап смерти, это ключ к спасению». Тревога захлестывала его, как прилив, «Сфотографируй и немедленно отправь Ло Юнь, ее подход — тщательный, детальный и всесторонний, всем нам хорошо известен. Пусть она будет предельно внимательна, при приготовлении отвара, от контроля огня и воды до последовательности добавления трав в котел, до времени варки — каждый этап, каждая деталь должна быть под строжайшим контролем, ни малейшей ошибки недопустимо. Состав этого отвара великолепен, сила лекарства одновременно мощная и хрупкая, малейшая ошибка — и яд, таящийся в телах Ваших Величеств, может контратаковать, и их уже хрупкое состояние немедленно погрузится в бездну невозвращения, тогда никто не сможет нести эту ответственность!»

Жун Цзюэ поспешно подставила обе руки, уверенно поймала рецепт, она чувствовала влагу и вес, передаваемые бумагой, пальцы непроизвольно сжались. В следующее мгновение телефон уже был у нее в руке, разблокировка, открытие камеры, фокусировка на рецепте — действия слились в одно целое, быстрее, чем мельчайшие тени. Клавиша отправки была нажата с силой, она не сводила глаз с экрана, полоса загрузки была похожа на обратный отсчет, решающий судьбу, казалось, она хотела своим взглядом заставить сигнал бежать быстрее. В тот момент, когда появилось «Отправлено успешно», она шумно выдохнула, подняла голову, посмотрев на Лин Чужаня, решительно кивнула, в ее глазах была непоколебимая решимость: «Хозяин Долины Лин, вы можете быть абсолютно спокойны! Мы все знаем способности Ло Юнь, и я здесь, чтобы следить, не позволяя себе ни малейшей расслабленности. Как только я замечу что-то неладное, немедленно сообщу вам, без колебаний!»

Лин Чужань, не теряя ни секунды, развернулся и бросился к кровати, его шаги были быстрыми, поднимая ветер, заставляя занавески слегка колыхаться. Он остановился у кровати, сначала глубоко вдохнул, грудь его сильно вздымалась, словно он хотел втянуть весь напряженный воздух комнаты в легкие, а затем постарался успокоиться. Затем он протянул свои длинные пальцы, легко взял серебряную иглу, которая сверкнула острым лезвием на свету. Резкое движение кисти, и игла вылетела из пальцев, начертив в воздухе ослепительную серебристую дугу, тело иглы вибрировало, словно играла боевую трубу. В одно мгновение иглы уверенно вошли в точки акупунктуры на телах Кан Линъи и Е Ваншу, введение игл было быстрым и точным, без малейшего отклонения. С каждой воткнутой иглой его выражение становилось все более сосредоточенным и серьезным, брови плотно сдвинулись в форме иероглифа «река», глаза были глубокими, как пропасть, излучая неоспоримую решимость. В этот момент он, казалось, находился на бесшумном поле битвы, сражаясь на расстоянии с ядом, что свирепо бился в теле хозяина, пытаясь запереть распространяющийся яд дюйм за дюймом, миллиметр за миллиметром, используя иглы в своих руках как замок.

«Этот отвар нужно пить ровно две недели, не пропуская ни одного дня, чтобы полностью вывести яд», — Лин Чужань все еще чувствовал беспокойство, повысил голос и снова торжественно повторил. Его взгляд был острым, он медленно скользил по лицам всех присутствующих в комнате, его взгляд, казалось, хотел запечатлеть эти слова в сердцах

каждого: «В это время питание Ваших Величеств должно быть легким и питательным, режим — регулярным и спокойным. Малейшая небрежность может привести к катастрофе, все предыдущие усилия пойдут насмарку, понимаете?» Его голос был ровным и твердым, но глубоко скрытая тревога все же просачивалась наружу, в этой тихой, гнетущей, пропитанной тревогой комнате, она тяжело падала на сердца всех, делая их еще более бдительными.

Услышав слова Лин Чужаня, все ответили, их лица стали еще более мрачными. Сяо Сучао первым нарушил короткое молчание, его тон был уверенным и решительным: «Хозяин Долины Лин, я поручу приготовление пищи специальным людям, от закупки продуктов до мытья и приготовления, каждый этап будет строго контролироваться, гарантируя, что будут приготовлены только самые мягкие и питательные блюда». Сказав это, он поспешно подошел к углу и тихо начал набирать номер, последовательно отдавая команды, каждое его слово излучало неоспоримый авторитет.

Гу Сюхань тоже не сидел без дела, легко поправляя растрепавшиеся волосы на лбу Е Ваншу, он добавил: «Я лично прослежу за распорядком, постельное белье будет заменено на самые мягкие и дышащие материалы, температура и влажность в помещении также будут точно регулироваться, чтобы никакие внешние факторы не раздражали их». Его взгляд не отрывался от щек Е Ваншу, которые горели неестественным румянцем, полным боли и самоосуждения.

Вскоре Фэн Юй ворвался, на его лбу вздулись вены, очевидно, он бежал очень быстро. Он тяжело дышал, и, прежде чем отдышаться, он поспешно доложил: «Генеральный директор Е, человека отвели в подпольную комнату для допроса уже некоторое время. Этот врач сначала был очень упрям, отказывался выдавать хоть слово, но потом, когда братья применили некоторые методы, он все рассказал. Оказалось, что это Вэнь Луаньсинь и Госпожа Линь подкупили его, и они воспользовались суматохой на банкете, чтобы подсыпать яд в вино. Их расчет был на то, чтобы свергнуть Ваших Величеств, чтобы разделить ресурсы и взять под контроль ситуацию, действительно очень коварно!» Фэн Юй говорил все громче и громче, его сжатые кулаки скрипели, он хотел бы прямо сейчас вытащить этих двух преступниц.

Лицо Е Наньсяня, и без того мрачное, мгновенно стало черным, как доньшко котла, глаза расширились от гнева, он с грохотом ударил по столу рядом, расплескивая чайные чашки: «Эти две ядовитые женщины! Я сейчас же вытащу их, осмелились тронуть мою сестру, я заставлю их жалеть о рождении!» Сказав это, он мелькнул и уже собирался выбежать.

Лин Чужань молниеносно среагировал, бросился вперед и остановил его, с силой надавив руками на плечи Е Наньсяня: «Генеральный директор Е, успокойтесь! Сейчас две Ваших Величества борются на грани жизни и смерти, главная задача — обеспечить успешное выведение яда. Если вы будете действовать безрассудно, спугнете их, и они в панике начнут новые коварные планы, эти хрупкие тела Ваших Величеств не выдержат такого напряжения. Как только яд будет полностью выведен, а доказательства собраны, у нас будет возможность жестоко с ними расправиться, заставив их заплатить стократную цену!»

Е Наньсянь тяжело дышал, его грудь сильно вздымалась, разум с трудом боролся с гневом, в конце концов он стиснул зубы и остановился: «Хорошо, подчинюсь тебе. Но этот долг я верну с процентами, я опозорю их, и они больше никогда не смогут заниматься этим делом!»

В этот момент Ло Юнь вошла с первым сваренным отваром, и аромат лекарства мгновенно заполнил комнату. Она осторожно поставила пиалу на стол, мелкие капельки пота на ее лбу блестели, ее голос звучал несколько нетерпеливо: «Хозяин Долины Лин, отвар готов, как вы и приказали, огонь и время были точно рассчитаны, ни малейшей погрешности».

Лин Чужань тут же подошел, сначала осторожно понюхал аромат отвара, затем внимательно рассмотрел цвет жидкости, после чего кивнул: «Верно, именно так. Сначала дайте им выпить, этот первый прием наиболее важен, он может предварительно подавить токсины и снизить высокую температуру». Все не смели медлить, быстро окружили. Сяо Сучао взял пиалу, зачерпнул ложку, осторожно подул, поднес к губам Кан Линъи и мягко сказал: «Линъи, милая, выпей лекарство, станет легче, когда выпьешь». Кан Линъи, бредящая от жара, с потрескавшимися губами, инстинктивно сопротивлялась, часть отвара пролилась. Сяо Сучао не злился, терпеливо уговаривая, и только через некоторое время удалось влить несколько глотков.

С другой стороны, Гу Сюхань действовал тем же образом, но Е Ваншу, выпив лекарство, закашлялась, ее маленькое личико стало красным. Гу Сюхань с болью в глазах похлопывал ее по спине, другой рукой вытирал уголки ее рта салфеткой, повторяя: «Все моя вина, Шуэр, это я тебя плохо защитил, скорее выздоравливай».

С трудом напоив их, все снова погрузились в тревожное ожидание. Каждая минута казалась растянутой, в комнате было так тихо, что слышалось только тяжелое дыхание друг друга. Лин Чужань стоял у кровати, не сводя глаз с лиц двух императриц, время от времени ощупывая пульс, проверяя мельчайшие изменения. Остальные тоже были заняты: кто-то готовил материалы для следующего отвара, кто-то продолжал проверять последние сведения о передвижениях Вэнь и Линь, каждый в этой борьбе со временем и ядом делал все возможное, чтобы сохранить этот крошечный огонек надежды.

Под мучительным ожиданием всех, действие лекарства наконец начало медленно проявляться. Лбы Кан Линъи и Е Ваншу, казавшиеся раскаленными, постепенно покрылись мелкими капельками пота, этот обжигающий жар, казалось, постепенно уходил, словно его вытягивала невидимая рука. Лин Чужань первым заметил это, шумно выдохнул, напряженное выражение его лица немного ослабло: «Жар спадает, этот этап пока стабилизирован».

На лицах всех появились признаки радости, брови Е Наньсяня слегка разгладились, но ненависть в его глазах оставалась сильной. Кан Линъи медленно очнулась, чувствуя слабость во всем теле, голова гудела. Она слабым голосом спросила: «Что случилось...» Сяо Сучао поспешно взял ее за руку и тихо рассказал о отравлении. Глаза Кан Линъи мгновенно стали холодными, она стиснула зубы: «Вэнь Луаньсинь, Линь Ваньжу, как они смели!»

Е Ваншу тоже проснулась в это время, Гу Сюхань поспешно подал ей теплую воду и помог ей выпить несколько глотков. Когда она немного восстановила силы, Е Ваншу посмотрела на всех, узнав причины и следствия, ее обычно нежное лицо также покрылось инеем.

Глаза Кан Линъи, которые еще недавно были полны слабости, мгновенно стали острыми, как у орла, холодный блеск мелькнул, направленный прямо на Ло Юнь. Ее взгляд был похож на

материализованное ледяное лезвие, словно оно пыталось пронзить стоящего перед ней человека и напрямую попасть в источник зла. Затем она слегка наклонила голову, посмотрела на Лин Чужаня, ее голос, хоть и все еще слабый после снижения температуры, был холодным и неоспоримым: «Чужань, осталось ли еще немного того горячего яда, который вызвал наше отравление?»

Лин Чужань на мгновение замер, затем отреагировал и поспешно ответил: «Есть. Впрочем, сейчас образцы хранятся у Хуэйнуо. Место надежно охраняется, чтобы избежать дальнейших неприятностей». Говоря это, он украдкой размышлял о намерениях Кан Линьи, в сердце зарождалось некое беспокойство.

Кан Линьи усмехнулась, ее взгляд становился все холоднее и пронзительнее, она бесцеремонно отдала приказ: «Не стоит так утруждаться, чтобы забирать. Возьмите немного моей крови и дайте им выпить». Эти слова застали всех в комнате врасплох. Сяо Сучао выразил беспокойство, не в силах сдержаться, сделал шаг вперед: «Линьи, твое тело только начало восстанавливаться, взятие крови не выдержит таких испытаний, что, если...» Не успел он закончить, как Кан Линьи прервала его взмахом руки.

Кан Линьи окинула всех взглядом, в ее глазах была решимость: «Тот горячий яд был направлен против меня. Чтобы сохранить яд в целости, пусть этот врач возьмет часть яда Фэнлиньвэй из моего кабинета и даст им выпить, а через некоторое время даст им немного противоядия. Его результат зависит от того, как он справится с этим делом». Ее слова звучали веско, излучая неоспоримую властность, все знали, что она решила, и дальнейшие уговоры бесполезны.

Доктор, услышав это, ноги его подкосились, он чуть не упал на колени, лицо его мгновенно стало бледным, как бумага, крупные капли пота падали с его лба, он дрожащим голосом ответил: «Ваше Величество... этот яд Фэнлиньвэй чрезвычайно ядовит, малейшая ошибка в дозировке смертельна, я...»

Кан Линьи приподняла бровь, ее взгляд мгновенно стал холодным ножом, направленным прямо на доктора: «До сих пор у тебя нет права отказаться. Этот яд я приняла, у меня есть свои планы, ты просто делай, как я скажу. Если не справишься, тебе больше не придется искать дорогу в этом мире, есть множество способов заставить тебя жить хуже, чем смерть». Ее тон был ледяным, каждое слово несло неоспоримое устрашение.

Доктор испугался до дрожи, не смея больше ничего говорить, дрожаще взял ящик и, с шаткими шагами, побежал к кабинету Кан Линьи.

Ло Юнь, увидев это, подошла и сложила руки в приветствии: «Ваше Величество, я желаю пройти в темницу и лично проследить, как они это выпьют». Кан Линьи слегка кивнула: «Иди, не будь мягкосердечной, когда они тебе навредили, они ни разу не проявили милосердия». «Да!» Ло Юнь принял приказ, ее фигура ловко последовала за доктором.

В темнице сырой и мрачной воздух становился все гуще. Вэнь Луаньсинь и Линь Ваньжу

жались в углу, уже не проявляя прежнего высокомерия. Увидев, как входят Ло Юнь и доктор, Вэнь Луаньсинь отвела взгляд, а Линь Ваньжу разрыдалась и стала умолять. Ло Юнь не обращала внимания, когда доктор приготовил яд Фэнлиньвэй и противоядие, она схватила их за подбородки по очереди, силой влила им яд, наблюдая, как они корчатся от боли, и холодно сказала: «Это вы сами выбрали, наслаждайтесь».

Когда Ло Юнь поспешно вернулась, сырой запах темницы все еще окутывал ее, смешиваясь со слабым запахом крови. Кан Линъи опиралась на изголовье кровати, одеяло небрежно лежало на ее талии, некогда яркое и лучезарное лицо теперь было лишь бледным и болезненным, волосы были растрепаны, но это нисколько не скрывало холодного блеска в ее глазах. Она слегка подняла руку, тонкие пальцы зажали диктофон, легким взмахом он описал резкую параболу в воздухе и уверенно упал в ладонь Ло Юнь. Голос Кан Линъи был хриплым и низким, словно каждое слово требовало огромных усилий: «Как поступать, ты знаешь. Я устала, не беспокой меня больше такими делами».

Ло Юнь отреагировала быстро, мгновенно пригнувшись, уверенно опустившись на одно колено, с благоговением приняла диктофон обеими руками, опустив голову, четко ответила: «Хорошо, Ваше Величество. Ваша покорная слуга не подведет, я все устрою должным образом, Ваше Величество просто отдохните». Сказав это, она ловко встала, отошла в тень и молча сжала диктофон, в голове уже начиная продумывать дальнейшие действия.

Кан Линъи с облегчением вздохнула, устало закрыла глаза, через мгновение открыла их, и, увидев Сяо Сучао, ее брови мгновенно нахмурились, раздражение в глазах было неприкрытым: «Сяо Сучао, уходи, не стой здесь, ты меня раздражаешь». Эти слова, словно ведро холодной воды, мгновенно заморозили прежнюю, слегка смягчившуюся атмосферу, температура в комнате резко упала.

Сердце Сяо Сучао было полно боли и беспокойства, он был ошеломлен внезапной просьбой об уходе, но без колебаний отказался, сделав шаг вперед, на его лице было беспокойство и упрямство: «Даже не думай! Посмотри на себя сейчас, тело все еще такое слабое, как лист бумаги, ветер подует — и ты упадешь. Без надежного человека рядом, если что-то пойдет не так, как быть? Как я могу быть спокоен и уйти!» В его глазах была неоспоримая настойчивость, голос его от беспокойства слегка дрожал, он хотел только защитить Кан Линъи.

Е Ваншу, наблюдавшая со стороны, ее прежде нежное лицо теперь также покрылось тонким инеем. Она слабо качнула головой Гу Сюханю, без сил, но с неоспоримой решимостью: «Что ты на меня смотришь, ты тоже уходи». Слова ее были легкими, но с неоспоримой решимостью, словно она хотела вытолкнуть всю заботу из комнаты и перевязать раны в одиночестве.

Сяо Сучао, услышав беспощадное требование Кан Линъи уйти, его лицо мгновенно покраснело, вены на шее вздулись, как извивающиеся змеи. Его ноги словно приросли к земле, он не двигался ни на дюйм, его упрямство было полностью разбужено, беспокойство в его глазах горело, как два огня, почти обжигая окружающий воздух докрасна, его голос непроизвольно повысился, заставляя окна вибрировать: «Ты хочешь вышвырнуть меня, как старую тряпку, когда раны еще не зажили? Ни за что! Ты хорошо вспомни, когда ты была измучена тем горячим ядом, на грани смерти, как я жил? Каждую минуту мое сердце горело на огне, дни тянулись бесконечно! Теперь, когда ты только начала немного улучшаться, ты хочешь меня

выгнать, разве это справедливо? Ты когда-то свирепо поклялся, что заставишь меня заплатить, хорошо, посмотри сейчас, я измучен до полусмерти, это зрелище, это соответствует вашим ожиданиям, вашим желаниям?» С этими словами он сделал тяжелый шаг вперед, сила его, казалось, была неодолимой, заставив землю слегка дрожать.

Гу Сюхань, его глаза уже покраснели, в спешке он даже спотыкался, за несколько шагов он оказался рядом с Е Ваншу. Без колебаний он протянул руку и крепко сжал нежную ладонь Е Ваншу, сила его была такой, словно он хотел передать всю свою заботу и беспокойство через тепло пальцев: «Шуэр, ты, пожалуйста, не будь глупой, не капризничай. Посмотри на свой слабый вид, ты не можешь стоять ровно, как будто ветер может тебя сдуть. Если рядом не будет кого-то, кто знает, как о тебе позаботиться, как быть, если вдруг что-то случится? Я бы отдал свою жизнь за тебя, чтобы быть рядом и защищать тебя каждую минуту».

Кан Линъи, только что оправившаяся от тяжелой болезни, была так слаба, как осенний лист на ветру. Ее сильно отвлекали их уговоры, в голове у нее все смешалось, прежние невыносимые воспоминания, полные крови и слез, словно бушующий океан, нахлынули на нее. Ее глаза, в которых еще оставалась слабость, мгновенно стали холодными, как ледяной нож, она решительно протянула руку и резко махнула. Цилиндрическая фарфоровая ваза на прикроватной тумбочке, украшенная сложным узором из цветов и птиц, мгновенно потеряла опору и, подхваченная ветром, рухнула вниз, с резким звоном разбившись на бесчисленные блестящие острые осколки, разлетевшиеся во все стороны. Она резко выпрямилась, крича изо всех сил, ее голос, еще не оправившийся от жара, стал еще более хриплым и сухим, словно старый мех:

«Сяо Сучао, ты действительно все забыл, или притворяешься дураком? Три года назад тот кошмар, та ловушка, когда тьма крепко держала меня, и я не мог вырваться, я полностью увяз в болоте, даже не мог найти способа спасти себя! Я мог лишь смотреть, как Шуэр, словно несчастная пешка, которую можно двигать по своему усмотрению, была выведена наружу и использована как щит! Теперь ты упрямо остаешься здесь, надеясь, что тот ужасный случай повторится? Или, с самого начала, ты надеялся, что я умру, и даже не собирался позволить мне выжить в той ядовитой ситуации? Я сказал все, что мог — я не хочу больше видеть тебя, тебе так трудно уйти? Ты когда-то свирепо поклялся, что заставишь меня заплатить, хорошо, посмотри сейчас, я измучен до полусмерти, этот жалкий вид, удовлетворил ли он Ваше Величество, угодил ли Вашему глазу?»

Ее слова были сказаны сбивчиво, грудь ее сильно вздымалась, казалось, она вот-вот упадет без сил. Сделав паузу, она снова бросила полный подозрения и ненависти взгляд на Гу Сюханя, ее глаза выражали неприкрытое отвращение: «И ты, Гу Сюхань, не думай, что твои мелкие уловки смогут скрыть это от меня. Ты вернулся так стремительно, какие хитрые планы ты опять задумал? Ты все еще думаешь использовать мою сестру, чтобы защитить ту змею с сердцем Линь Ваньжу? Неужели в твоем сердце Шуэр — всего лишь инструмент, имеющий некоторую ценность для использования, чтобы помочь тебе осуществить те недостойные скверные дела?» Каждое слово несло в себе проникающую до костей ярость и глубоко засевшие разочарование, и с грохотом взорвалось в этой тихой и гнетущей комнате, подняв волну невидимого дыма.